

УДК 82.02:821.161.1:821.161.3–310“19”

**СПОСОБЫ СУБЪЕКТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ
И БЕЛОРУССКОЙ МОДЕРНИСТСКОЙ
ПОВЕСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XX ВЕКА**

Е. В. Крикливец

кандидат филологических наук, доцент
Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова

В статье раскрываются основные способы субъектной организации русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. Проблемы сложных взаимоотношений человека и времени, человека и социальных обстоятельств, человека и государственной системы писатели решают “изнутри” посредством эксплицитного изображения повествователя. В антиутопии происходит расширение границ художественной субъективности нарратора: от констатации фактов до участия в изображаемых событиях и их морально-этической оценки.

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, сравнительно-типологический анализ, модернизм, субъектная организация, повесть.

Введение

Обращение как русских, так и белорусских писателей последней трети XX в. к аллегорическим, метафорическим повествовательным формам, использование неклассических (фантастических, гротескных, неомифологических) способов моделирования реальности, предельная “концентрированность” письма во многом были обусловлены стремлением авторов найти баланс между объективным и субъективным, через частное выразить общее, через иносказание выявить ключевые тенденции эпохи. “Пры гэтым уласна асобасны пачатак (его-самасць творцы), аб’ектыўна захоўваючы сваю аўтаномнасць і першаснасць, на этапе ўключанасці ў сістэму грамадскай камунікацыі ўдала праецыруецца на “матрыцу” апохі і набывае як бы двойны модус свайго функцыянавання. Гэта асабліва заўважна ў фазе рэцэптыўнага зліцця аб’ектыўнага і суб’ектыўнага, асо-

баснага і агульнага, унутранага і знешняга” [1, с. 257].

Опираясь на классификацию, предложенную В. Шмидом [2], рассмотрим приемы субъективации, характерные для русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. Наиболее репрезентативными здесь представляются произведения с рефлексивной субъективностью.

Основная часть

Эксплицитное изображение диегетического нарратора в повестях 50–70-х гг. XX в. связано с усилением автобиографического начала (прежде всего в лирико-психологической военной повести). Прослеживая эволюцию модернистской повести в последней трети XX в., можем отметить, что происходит последовательная замена автобиографического диегетического нарратора автодиегетическим.

Герой модернистской повести далеко не всегда тождествен автору или наделен признаками авторской биографии. При этом автор как бы “самоустраняется” из повествования, делегируя свои полномочия рассказчику (очевидцу или участнику событий). С одной стороны, это позволяет сбалансировать субъективное и объективное начала в произведении, с другой – нередко затрудняет выявление авторской позиции, поскольку ракурс изображения – это точка зрения нарратора (одного из персонажей), но не самого автора.

В повестях В. Катаева “Алмазный мой венец” и “Трава забвения” наблюдается своего рода “раздвоение” нарратора – увеличение пространственно-временной дистанции между повествующим и повествуемым “я”. Форма ретроспективного изображения людей и событий, выработанная В. Катаевым, дала возможность “реконструировать” воспоминания, воссоздать их в новом ракурсе, изменить соотношения лиц и предметов, как бы заново смоделировать ситуацию, а не воспроизвести ее такой, какой она запомнилась рассказчику. Это лишает мемуарные в своей основе повести документальной достоверности, разводит во времени две ипостаси диегетического нарратора.

В повести “Святой колодец” способом субъективации (а точнее, десубъективации) нарратора выступает фантасти-

ческая условность сна. Повествователь, путешествующий во сне по Америке и размышляющий о различных вещах, в конечном счете сам начинает представляться условным – проекцией бессознательного.

Использование названных и им подобных приемов субъектной организации модернистской повести привело к упразднению автобиографического нарратора, к замене его героем-рассказчиком, наделенным индивидуальными (отличными от автора) чертами характера, биографией и собственным мировосприятием.

Прием ретроспекции и помещения повествующего и повествуемого “я” в разные временные планы повествования использует и М. Кураев в повести “Ночной дозор”. Герой повести Полуболотов, рассказывая напарнику о своем участии в массовых арестах во время сталинских репрессий, видит себя как бы со стороны. Ожидаемым сюжетным ходом в этом случае была бы моральная переоценка героем своих действий в прошлом, что свидетельствовало бы о его духовной эволюции. Однако, будучи абсолютным продуктом своей эпохи, Полуболотов и в настоящем не усомнился в правильности и справедливости своих поступков. “Зачистки” и смертные казни он по-прежнему рассматривает как целесообразные способы борьбы с врагами народа. Несмотря на временную рассредоточенность, ракурс видения событий героем-рассказчиком не меняется, эксплицитный нарратор представляется целостной личностью.

Наличие в повести двух временных планов повествования (прошлое и настоящее) приводит (так же, как и в повестях В. Катаева) к смене внешней и внутренней фокализации, когда герой-рассказчик выступает в двух ипостасях: то как субъект повествования, то как его объект.

Любопытное сочетание автобиографического и автодиегетического нарратора наблюдается в повести В. Маканина “Голоса”. В повести нет значительных временных лакун, разделяющих повествующее и повествуемое “я”: обе составляющие эволюционируют и трансформируются одновременно. Герой-рассказчик представлен в нескольких ипостасях: происходит переход от рассказчика-ребенка к рассказчику-начинающему литератору и, наконец, к рассказчику-опытному писате-

лю. Герой-ребенок повествует о детских годах; писатель-взрослый вспоминает о своих предыдущих литературных опытах. Но при этом нельзя не отметить, что субъективизация рассказчика как сформировавшегося писателя доминирует над двумя другими ипостасями. Именно этого, взрослого, рассказчика можно сопоставить с фигурой автора-создателя повести, чему способствует совпадение некоторых биографических факторов и мировоззренческих позиций.

Смена приемов фокализации со внутренней (характерной для воспоминаний) на внешнюю обусловлена тем, что повествующее “я” (профессиональный писатель) описывает процесс формирования и становления повествуемого, процесс поиска молодым человеком своего голоса в многоголосии окружающего мира, в коллективном бессознательном, которое, тем не менее, не поглощает героя. В повести прослеживается путь развития нарратора, присутствует попытка зафиксировать момент слияния повествуемого “я” с повествующим.

С точки зрения субъектной организации произведения большой интерес представляет повесть Л. Петрушевской “Время ночь”. В повести словно бы материализована концепция “смерти автора”, выдвинутая исследователями неклассической художественности: о смерти героини-повествовательницы Анны Андриановны мы узнаем уже из эпиграфа. На первый взгляд, нарратором в произведении выступает бабушка, а дочь и внучка Анны являются объектами ее повествования и ее же чудовищной, удушающей любви. Это обусловлено и постоянным стремлением Анны к доминированию, к желанию контролировать всех и вся (вариант домашнего «тоталитаризма»). Анна ревнует дочь и сына к их возлюбленным, поскольку, вступая в личные отношения, часть своего времени, любви и внимания дети отдают ей.

Но, внимательно вчитавшись в текст повести, можно заметить, что бабушка, мать и дочь представляют собой точные копии друг друга, их модель семейного поведения повторяется из поколения в поколение: Анна точно так же терзает свою дочь Алену, как прежде тиранила ее мать Сима. Даже тесная эмоциональная связь внуков с бабушкой, а не детей с матерью

повторяет предшествующий опыт Анны: Алена всегда была ближе и откровеннее с бабушкой Симой, а не с матерью. Семейная тирания нескольких поколений будто идет по кругу, и никто не пытается сделать выводов из совершенных ошибок, разорвать этот порочный круг.

Единство места действия – жизненно-го пространства, объединяющего все поколения, – наталкивает на размышления о возможных признаках жанра идиллии в произведении. Однако хронотоп “родового гнезда”, воплощенный в старой двухкомнатной квартире, где никому и никогда не удавалось уединиться, демонстрирует не эволюцию поколений, вышедших из этого гнезда, а, скорее, стирает грани и различия между ними. Присмотревшись, можно обнаружить, что перед нами не нарратор (Анна) и объекты его повествования, а единый женский образ, представленный в трех возрастных ипостасях (от раннего детства до глубокой старости и смерти), то есть происходит в определенном смысле слияние субъекта и объектов повествования в циклическом движении времени.

Прием монтажа выполняет в прозе В. Маканина и сюжетообразующую, и композиционную функции. В повести “Река с быстрым течением” данный прием использован как способ субъективации. В несобственно-прямой и внутренней речи героя повести Игнатъева происходит смещение ракурса точки зрения. Если изначально герой как бы наблюдает и описывает со стороны явления и события окружающей действительности, то в определенный момент он начинает видеть и описывать себя в контексте этой действительности. Эпизоды произведения, в которых герой наблюдает происходящее извне (внешняя фокализация) и в которых герой осмысливает себя внутри того, о чем размышляет или повествует (внутренняя фокализация, промаркированная местоимением “себя”), представляются смонтированными частями (“кадрами”) общего сюжета повести.

Жанровая форма антиутопии оказалась изоморфной целям и задачам модернистской прозы, ее эстетическим принципам. Антиутопия отличается своими вполне определенными способами субъектной организации произведений.

Так, повествователь в антиутопии, как правило, изображен эксплицитно, он является очевидцем и участником событий. Инварианты организации повествования и развития сюжета зависят от степени и способов рефлексии повествователя, его эмоциональной и морально-этической оценки изображаемых событий. В связи с обязательным наличием в антиутопии рефлексивной субъективности повествование (за редким исключением) ведется в монологической форме от лица героя-рассказчика (эта форма может быть представлена письмами или дневниковыми записями героя).

В повести Л. Петрушевской “Новые Робинзоны” повествование ведется от лица восемнадцатилетней девушки, которая вместе с родителями совершила побег от цивилизации. Рассказчица излагает события максимально беспристрастно и безэмоционально, словно констатируя факты. Ввиду такой специфики повествования остальные герои повести, да и сама рассказчица представлены довольно схематично, они лишены индивидуальных психологических особенностей и черт характера. Несомненно, такой схематизм используется Л. Петрушевской намеренно: в условиях экологического и социального кризиса человек утрачивает личностные качества и остается функцией (добыча пропитания, продолжение рода и т. д.).

Расширение границ художественной субъективности наблюдается в повестях А. Курчаткина “Записки экстремиста” и А. Кабакова “Невозвращенец”. Герои названных произведений уже не просто фиксируют события, а принимают в них непосредственное участие, реализуясь как активный субъект и повествования, и действия.

Так, герой-рассказчик повести “Записки экстремиста” представляется личностью с активной жизненной позицией: ему удается организовать людей на демонстрацию во имя идеи строительства метро, а позже и вовсе уйти с единомышленниками под землю, дабы самостоятельно осуществить строительство. Однако, что нередко случается, идея, поглотившая героя, оказывается губительной и для него, и для остальных последователей этой идеи.

Юрий Ильич, герой повести А. Кабакова “Невозвращенец”, принимает решение остаться в будущем. Это решение становится прямым следствием нравственной и социальной оценки, которую герой дает событиям в настоящем. А значит, он уже не просто хроникер и даже не только участник событий, но личность, своим поступком вынесшая вердикт своему времени.

Модель тоталитарного общества создает белорусский прозаик В. Гигевич в повести “Карабель”. В социальном устройстве корабля прослеживаются признаки “классической” антиутопии. Это четко иерархически организованное общество, жизнь которого регламентирована запретами и поощрениями. Работу этой системы мы видим, как это и свойственно антиутопии, изнутри – глазами командира Ёха. Ёх достиг вершины социальной иерархии – стал хозяином корабля, – однако не перестал быть “винтиком системы”: за ним наблюдает Большой Совет. Жертвы, которые ему пришлось принести на пути к власти (погубленные им родители, погубленная любовь к Альмине), оказались напрасными. Однако Ёх вершит моральный суд не только над системой, но, прежде всего, над самим собой. Рассказчик признается в предательстве самого себя, своих лучших человеческих качеств и порывов, которые он погубил, стремясь к мифической власти. В повести звучит тема личной ответственности человека, выбравшего подчинение системе и обстоятельствам, принесшего в жертву свои личные чувства и потребности, за свои поступки и за итог своей жизни. Предупреждение, содержащееся в повести В. Гигевича, относится не столько к идеологической, социальной сфере, сколько к сфере нравственного выбора и моральной ответственности.

Заключение

Таким образом, проблема сложных взаимоотношений человека и времени, человека и социальных обстоятельств, человека и государственной системы решается в русской и белорусской модернистской повести второй половины XX в. “изнутри”, посредством эксплицитного изображения повествователя. Доминирующим типом нарратора становится автодигетический (повествующее “я” утрачивает тожде-

ственность с автором). Нередко писатели прибегают к приему смены внешней и внутренней фокализации, когда рассказчик одновременно является и субъектом, и объектом повествования.

Прослеживая эволюцию повести-антиутопии в последние десятилетия XX в., можно выявить расширение границ художественной субъективности нарратора: от констатации фактов до участия в изображаемых событиях и их морально-этической оценки.

Жанр повести позволил писателям отразить события недавней истории и современности через частные судьбы свидетелей и участников этой самой истории. Жестокость и абсурдность мира проявляются на “стыке” личных биографий и исторического пути государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Максімовіч, В. А.** Беларускі мадэрнізм у славянскім кантэксте / В. А. Максімовіч // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка : XIV Міжнар. з’езд славістаў (Охрыд, 2008): дакл. бел. дэлегацыі / рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск, 2008. – С. 253–266.
2. **Шмид, В.** Нарраталогія / В. Шмид. – Москва, 2003. – 312 с.

Поступила в редакцию 14.04.2018 г.
Контакты: kriklivec@mail.ru
(Крикливец Елена Владимировна)

Kriklivets E. THE METHODS OF THE SUBJECT ORGANIZATION OF THE RUSSIAN AND BELARUSIAN MODERNIST NOVEL IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY.

The article reveals the main ways of the subject organization of the Russian and Belarusian modernist novel in the second half of the twentieth century. The writers solve the problem of complex relationships between man and time, man and social circumstances, man and state system “from within” through an explicit depiction of the narrator. In the anti-utopia the boundaries of the artistic subjectivity of the narrator expand from ascertaining the facts to participation in the depicted events and their moral and ethical evaluation.

Keywords: russian literature, belarusian literature, comparative analysis, modernism, subject organization, novel.